

УДК: 94 + 327.5

DOI: 10.31857/S2686673024070042

EDN: YCVPKC

Китайские оценки американских концептов «новой биполярности» и «новой холодной войны»

И.Ю. Зуенко

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Researcher ID: AAB-5070-2020 Scopus Author ID: 57211944845 РИНЦ ID: 802840

ORCID ID: 0000-0002-9853-9703

E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Резюме: Статья посвящена китайским оценкам концептов «новой биполярности» и «новой холодной войны», которые получили распространение в американской литературе. Восприятие этих концептов отличается в Китае своеобразием. «Новая холодная война» воспринимается как процесс, вызванный желанием США сохранить свою гегемонию, и протекающий не только в Восточной Азии, но и в Восточной Европе. Что касается биполярности, то, за исключением некоторых экспертов, которые призывают признать де-факто наступившую биполярность, в КНР не принято называть себя одним из двух центров миропорядка и, более того, принято отрицать свои амбиции на это.

Ключевые слова: Китай, США, холодная война, биполярность, многополярность

Для цитирования: Зуенко И.Ю. Китайские оценки американских концептов «новой биполярности» и «новой холодной войны». *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(7): 40–56. DOI: 10.31857/S2686673024070042 EDN: YCVPKC

Chinese Perception of “New Bipolarity” and “New Cold War” Concepts

Ivan Yu. Zuenko

Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.

32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

Researcher ID: AAB-5070-2020 Scopus Author ID: 57211944845 РИНЦ ID: 802840

ORCID ID: 0000-0002-9853-9703

E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Abstract: The article is dedicated to Chinese perception of “New Bipolarity” and “New Cold War” concepts. ‘New Cold War’ is viewed by Chinese specialists as a process that is driven solely by Washington, with China being forced to protect itself without the desire to continue or expand this kind of competition. Regarding ‘new bipolarity’ official Beijing denies its ambitions to be a sole or one of the two centers of world order, positioning itself as a ‘developing country’ and ‘leader of the third world’, whose interests focus on multipolarity.

Keywords: China, USA, Cold War, bipolarity, multipolarity

For citation: Zuenko, I.Yu. Chinese Perception of “New Bipolarity” and “New Cold War” Concepts. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(7): 40–56. DOI: 10.31857/S2686673024070042 EDN: YCVPKC

ВВЕДЕНИЕ

С распадом Советского Союза в 1991 году начался своеобразный «золотой век Америки» – период её безусловного доминирования в мировой экономике, науке, культуре, информационном обмене. Вплоть до начала войны в Югославии в 1999 году это доминирование, равно как и готовность других стран мира его признавать, не вызывали сомнений. Лишь югославские события, включая бомбардировку американскими ВВС здания китайского посольства 7 мая 1999 года, вызвали отторжение в результате действий Вашингтона и предопределили запрос на независимую, свободную от влияния Запада, политику – как минимум, в двух странах: России и Китае. Таким образом, «однополярный миропорядок» дал сбой, и последующие 25 лет фактически стали временем его постоянного «осыпания»¹. Вплоть до рубежа 2000–2010-х годов этот процесс не был очевидным, и американцы продолжали действовать как мировой гегемон, что проявилось в феномене «цветных революций» (как минимум они частично были осуществлены в интересах США), расширении НАТО и косвенно в программе «Восточного партнёрства».

Одновременно с этим в отношении Китая США ожидали, что КНР, вовлечённая в тесное экономическое и культурно-гуманитарное сотрудничество с Западом, пойдёт на демократизацию/департократизацию режима, углубит рыночные реформы и смягчит цензурные ограничения. Такие ожидания легли в основу «стратегии вовлечения» (*engaging strategy*), которая была основой китайской политики США с 1970-х годов. В Вашингтоне надеялись, что открытость и обмен с Америкой изменит Китай, сделает китайское общество более похожим на западное, а внешнюю политику более проамериканской, как это ранее произошло с Японией, Южной Кореей, Тайванем, а также большинством стран бывшего «восточного блока». Убеждённость в том, что подобный исход неизбежен, была столь сильна, что применение США против Китая санкционного режима в 1990–2000-е годы, несмотря на многочисленные поводы к этому (начиная от подавления протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, заканчивая нарушением прав религиозных и этнических меньшинств), было весьма ограниченным (подробнее выводы автора об этом феномене [Зуенко, 2022]). Безусловно, огромное значение имели и выгоды, которые получал американский капитал от работы на китайском рынке. И чем этот рынок становился больше и богаче, тем выгоднее это было для американского бизнеса.

Соответственным образом началось и интеллектуальное переосмысление такого положения. Уже в 2004 году американский экономист Фред Бергстен, делая

¹ Авторство этого термина следует признать за авторами доклада Валдайского клуба «Жизнь в осыпающемся мире», вышедшего ещё в 2018 году. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/zhizn-v-osypayushchemsya-mire/> (accessed: 17.01.2024).

публичные рекомендации для переизбранного президента США Дж. Буша-младшего, отмечал, что Китай превратился в «сверхдержаву», равноправное взаимодействие с которой способно стать для США способом сбалансировать систему международных отношений [Bergsten, 2004]. В дальнейшем Бергстен повторил эти тезисы ещё в нескольких своих работах [Bergsten, 2006; Bergsten, 2008; Bergsten, 2009], заложив в экспертных кругах Запада понимание нового баланса сил в мире, который можно обозначить условным термином «Группа двух» (G2).

Однако в начале 2010-х годов прежний расклад в отношениях США и КНР был деформирован. Как оказалось, такое положение было связано с мощным запросом на националистическую политику и укрепление централизации в Китае, выразителем которого стал Си Цзиньпин, пришедший к власти в 2012 году. У нас нет оснований считать, что изначально Си придерживался антиамериканских позиций. Например, хорошо известно, что, встретившись с президентом США Б. Обамой в формате «без галстуков» на ранчо в Калифорнии в 2013 году, Си отметил, что «китайская мечта – это про сотрудничество, развитие, мир и обоюдный выигрыш, она и связана с американской мечтой» [10]. Вместе с тем китайское руководство не могла не тревожить объявленная тем же Б. Обамой в 2011 году стратегия «возвращения США в АТР» и усиление армейской группировки в Южной Корее – в непосредственной близости от границ Китая. А инициированная следующим президентом США Д. Трампом «война тарифов» (также известна как «торговая война»), изначально призванная всего лишь выровнять сальдо в торговле двух стран, стала «спусковым крючком» для перехода от стратегии «вовлечения» к стратегии «сдерживания (развития Китая)» и, как следствие, к противостоянию двух стран [Зуенко, 2023].

Таким образом, формат Группы двух в том виде, в котором его изначально видел Бергстен, не состоялся (во всяком случае, пока) – вместо этого мы имеем системное комплексное противостояние двух ведущих экономик мира, которые продолжают активно торговать, но вместе с тем отдаляются друга от друга всё дальше. Учитывая значение Китая и США для всего мира, такое противостояние можно с достаточными на то основаниями назвать «новой холодной войной» (или «второй холодной войной»), подразумевая отсылки к прежней холодной войне между «западным блоком» во главе с США и «восточным блоком» во главе с СССР.

В западной научной литературе и публицистике термин «новая холодная война» уже использовался такими авторами, как Г. Киссинджер [7], Дж. Миршаймер [8], Х. Брэндс и Д. Гэддис [2022] и многими другими. Анализ имеющихся материалов показывает, что, как правило, под «новой холодной войной» подразумевается противостояние США и КНР, причём для западных работ характерен взгляд на действия США как на естественную ответную реакцию на усиление Китая, которое грозит переформатированием всего мирового порядка в негативном для Запада плане.

В России он также активно используется, причём для обозначения как китайско-американского противостояния (в таком контексте термин употреблялся,

например, В.Б. Кашиным и И.Н. Тимофеевым [2021]), так и – причём гораздо чаще! – применительно к конфликту России и Запада (наиболее авторитетными проводниками такого понимания термина стали С.А. Караганов [2008], С.М. Рогов [2007], А.А. Громыко [2016], С.К. Ознобищев [2016]). Обращает на себя внимание, что если на рубеже 2000–2010-х годов российские авторы использовали этот термин в основном для обозначения новых тенденций в отношениях России и США, то спустя десять лет он набрал популярность в контексте противостояния США и КНР.

Позиция же Китая в этом вопросе известна нам гораздо хуже. Существует ряд работ, написанных китайскими авторами [Ян, 2021]; некоторые аспекты проблемы разбирались в фундаментальных работах Е.Н. Грачикова [Grachikov, 2019; Grachikov, 2020]. Однако большинство российских международников, не владеющих китайским языком, об особенностях китайской позиции могут только догадываться. Не слишком помогает и знакомство с англоязычной литературой. Официальные заявления руководства КНР в ней, как правило, заведомо отвергаются как субъективные и бессодержательные, а выводы делаются, исходя из постулата об агрессивной природе современного китайского государства. Такой взгляд деформирует понимание китайской политики. Позицию Китая следует непременно учитывать при анализе складывающейся международной ситуации, причём как официальную (исходящую из партийно-государственных документов), так и частную (которую можно проследить по отдельным высказываниям и работам китайских политиков, учёных, экспертов).

Данная статья призвана отчасти восполнить дефицит знаний о китайской позиции по таким вопросам как отношение к концептам «новой биполярности» (G2) и «новой холодной войны». При этом, учитывая востребованность темы и значительный объём китайской литературы по отношениям с США, работа не претендует на полное раскрытие темы, а является лишь приглашением к дискуссии о том, каковы различия в понимании трансформации постбиполярного устройства мира между Россией, Китаем и Западом.

Проводя исследование, автор опирался, прежде всего, на официальные документы Коммунистической партии Китая и материалы Министерства иностранных дел КНР². А анализируя взгляды научного сообщества, ориентировался на работы или высказывания наиболее влиятельных китайских учёных-международников из ведущих университетов и «мозговых центров» Пекина и Шанхая.

Таким образом, в фокусе внимания статьи оказалось два вопроса: «Какова официальная позиция Пекина относительно биполярности/многополярности миропорядка?» и «Как в Китае оценивают концепт «новой холодной войны» и участие в ней страны?» Структура статьи была определена исходя из того, что

² В случае если имеются официальные русские переводы, опубликованные на сайтах МИД КНР или информагентства «Синьхуа», после соответствующей перепроверки оригинала в тексте статьи приводятся цитаты именно из таких переводов.

вводная часть посвящена тому, как складывается сама ситуация противостояния США и КНР, а вторая и третья части – разбору восприятия её в Китае, во-первых, сквозь призму концепта «новой биполярности», во-вторых, сквозь призму концепта «новой холодной войны».

КИТАЙСКИЕ ОЦЕНКИ СУЩЕСТВУЮЩЕГО МИРОПОРЯДКА И «НОВОЙ БИПОЛЯРНОСТИ»

Официальные документы Пекина провозглашают верность существующим международным институтам (например, ООН), а реформирование нынешнего миропорядка видится ему не в смене США в качестве мирового гегемона, а в восстановлении подлинных отношений равенства стран и многополярности. В докладе Си Цзиньпина на XX съезде Коммунистической партии Китая (октябрь 2022 года) говорится: «Китай будет принимать активное участие в реформировании и развитии системы глобального управления, претворять в жизнь концепцию глобального управления, основанную на принципах совместных консультаций, совместного строительства и совместного пользования, твёрдо придерживаться подлинного мультилатерализма, способствовать демократизации международных отношений, содействовать развитию глобального управления в более справедливом и рациональном направлении. Китай будет решительно защищать систему международных отношений, ядром которой является Организация Объединённых Наций, охранять миропорядок, в основе которого лежит международное право, отстаивать основные нормы международных отношений, базирующиеся на целях и принципах Устава ООН. <...> Китай будет способствовать выявлению ещё более эффективной роли ВТО, АТЭС и других многосторонних механизмов, расширять влияние БРИКС, ШОС и других способов сотрудничества, увеличивать представительность и право голоса стран с формирующимся рынком и развивающихся стран в международных делах» [2].

Принципиальной позицией Китая является отказ от «блокового мышления», то есть условного деления мира на «китайский» и «американский» лагерь: «Китай выступает против любых форм унилатерализма, противостоит созданию блоков или эксклюзивных группировок против определённых стран» [2].

Соответственно, Китай отвергает и саму идею того, что он борется за мировую гегемонию: «Китай уважает суверенитет и территориальную целостность всех стран, твердо стоит на позиции равноправия всех стран, как больших, сильных и богатых, так и малых, слабых и бедных, уважает право народов всех стран самостоятельно выбирать собственный путь развития и социальный строй, категорически выступает против любых форм гегемонизма и политики силы, против менталитета холодной войны, вмешательства во внутренние дела других стран и применения двойных стандартов» [2].

Мы видим, что Китай официально провозглашает заинтересованность в сломе американской гегемонии, но не в том, чтобы занять место США в качестве

мирового гегемона. Однако не станет ли доминирующее положение Китая как фактического гегемона неизбежным по мере "осыпания" проамериканского «порядка, основанного на правилах»?

С приходом к власти Си Цзиньпина в китайской внешнеполитической риторике действительно стали слышны мессианские нотки, связанные с созданием некоего справедливого миропорядка, который при сохранении действующих международных институтов должен сменить прежний, «основанный на политике силы». Различные инициативы, выдвигаемые руководством КНР в 2010–2020-х годах («Пояс и Путь», «Три глобальные инициативы»), в конечном счёте могут быть объединены в рамках зонтичной концепции «Сообщества единой судьбы человечества».

Суть этой идеи, впервые цельно сформулированной Си Цзиньпином во время визита в Москву, когда он выступал в МГИМО МИД России 23 марта 2013 года, заключается в том, что мир вошёл в новый этап своего развития, в котором прежние модели межгосударственных отношений, основанные на применении насилия и формировании военно-политических блоков, уже не работают. Напротив, «этот <новый> мир, в котором все страны находятся на небывалом ранее уровне взаимной связанности и взаимозависимости, а человечество живёт в "глобальной деревне" и чем дальше, тем больше превращается в сообщество единой судьбы, в котором в тебе есть частичка меня, а во мне есть частичка тебя»³ [1].

Иначе говоря, в новых исторических условиях, когда повышается значение стран «глобального Юга», бывших колоний и полукolonий (одной из которых Китай считает и себя), всему миру оказывается выгоднее торговать и осуществлять технологический и культурный обмен, чем воевать. Возрождающемуся Китаю в этих условиях, по мысли китайских идеологов, уготована судьба одного из мировых лидеров – то есть страны, экономическое и культурное взаимодействие с которой отвечает всеобщим интересам:

«Китай готов увеличивать ресурсные вложения во имя глобального развития и сотрудничества, неустанно стремиться к сокращению разрыва между Югом и Севером, неизменно оказывать поддержку и помощь многочисленным развивающимся странам в ускорении их развития. <...> Китай будет продолжать принимать активное участие в разработке правил в области глобальной безопасности, усиливать международное сотрудничество в этой сфере, активно участвовать в миротворческой деятельности ООН, стремясь играть конструктивную роль в защите мира во всем мире и обеспечении региональной стабильности» [2].

³ Примечательно, что отдельные элементы этой речи уже использовались в программных документах руководства КПК в 2011–2012 годах, однако в настоящий момент китайская пропаганда отсчитывает появление концепции именно от речи в МГИМО (см. Портал изучения идей Си. Available at: https://www.gov.cn/ldhd/2013-03/24/content_2360829.htm).

Однако «международные отношения нового типа», о которых так много говорят китайцы, предполагают сотрудничество без установления обязательств военно-политического характера. А возвышение «великих держав» или «ответственных мировых держав», одной из которых, безусловно, является Китай, вовсе не означает создания новых военно-политических блоков, которые считаются анахронизмом и следствием «менталитета холодной войны».

Не отрицая своих претензий на роль «великой державы» и «ответственной мировой державы», китайская сторона официально отвергает притязания на то, чтобы быть одной из двух главных сторон биполярного противостояния, ограничиваясь лишь ролью «промоутера процессов перехода к многополярному миру» [Цзя, 2021]. Однако как минимум часть экспертного сообщества с такими формулировками не согласна, постулируя, что де-факто уже сложившийся биполярный миропорядок задействованные стороны отрицают, исходя из политических и идеологических мотивов.

Поскольку подобная точка зрения очевидным образом противоречит официальной риторике и к тому же может быть вредна с точки зрения предъявления Китаю обвинений в его стремлении к гегемонии, она не так часто встречается в открытых источниках. В качестве подтверждения её существования можно привести такую цитату из выступления авторитетного китайского учёного-международника Янь Сюэтуна на конференции в Шэньчжэне 28 апреля 2023 года: «Нынешнее мировое устройство – биполярное, а не многополярное. США не признают этого из соображений политкорректности и нежелания признавать рост влияния Китая. Китай не признаёт этого ввиду собственной идеологической установки, согласно которой Китай всё ещё развивающееся государство, равное с другими. Наконец, Европа, Россия, Индия, Япония не признают этого из-за нежелания рассматриваться как периферия по отношению к США и Китаю. Биполярность, следствием которого является китайско-американское противостояние – долгосрочный устойчивый тренд. Другое его следствие – это процесс деглобализации, который затрагивает все сферы развития человечества и продлится 10–20 лет» [12].

К деглобализации в Китае относятся отрицательно, понимая, что залогом экономических успехов в предшествующий период как раз и была его вовлечённость в глобальную экономическую систему, позволившая раскрыть производительный потенциал страны. Сейчас именно КНР, будучи по-прежнему «мастерской мира», является силой, которая заинтересована в сохранении глобализации и видит в ней способ обеспечить качественный рывок в развитии человечества в условиях подъёма бывших колониальных и полуколониальных держав – «третьего мира». Этот подъём (обозначаемый в Китае как «перемены, которых не было сто лет»), по мысли китайцев, представляет собой особую синергетическую среду, в которой обмена и взаимообогащение цивилизаций (при условии сохранения их индивидуальности) способны дать удивительные по плодотворности результаты.

Непосредственным воплощением стремления Китая к расширению глобализации являются инициатива «Пояса и Пути», идеологическая основа которой состоит в уже упомянутой концепции «Сообщества единой судьбы человечества». Противоречивость, заложенная во внешнеполитическом курсе Китая, пока не позволяет в полной мере реализовать синергетический потенциал инициативы, а многие внутривластные решения Китая (прежде всего, связанные с секьюритизацией и националистическим креном) отпугивают от Пекина его партнёров. При этом, на данный момент именно Китай видит глобализацию как подлинно глобальный процесс, в то время как США рассматривает её как процесс для узкого круга «избранных» стран, участие в котором есть не право, а привилегия.

Согласно китайской позиции, США не исключаются из глобализационных инициатив Китая. Примечательно, что, выступая на полях Саммита АТЭС в Сан-Франциско в ноябре 2023 года перед американскими бизнесменами, Си Цзиньпин заявил, что «две страны могут быть партнёрами, уважать друг друга и мирно сосуществовать», «мир достаточно велик для обеих стран» [9]. Таким образом, китайцы не стремятся ограничить развитие США, а, напротив, исходят из того убеждения, что вовлечённость обеих стран в глобализацию несёт синергетический эффект для них самих и для всего мира. Впрочем, на этом различия в позициях сторон не исчерпываются.

КИТАЙСКИЕ ОЦЕНКИ «НОВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Официально в Китае отрицают своё участие в холодной войне. Да, противостояние с США – это уже свершившийся факт, но для Китая крайне важно подчеркнуть, что оно не является «сиквелом» прежней холодной войны, а имеет принципиально иной характер. Главное отличие – отсутствие в мотивах Китая стремления к мировой гегемонии. Холодная война между США и СССР воспринимается Китаем сквозь призму антиимпериализма, антигегемонизма и антиколониализма, глазами бывшей полуколониальной державы, вынужденной быть пешкой на «великой шахматной доске» между двумя гегемонами. Подобные коннотации для Китая крайне негативны.

Китайские исследователи признают «новую холодную войну» (также употребляется термин «вторая холодная война») как концепт, описывающий текущие международные отношения и, прежде всего, их военно-стратегическую компоненту [He, 2007; Ся, 2022], но для большинства характерно весьма специфическое восприятие. Указывается, что концепт продвигается западной стороной, и она же является основным субъектом «новой холодной войны». Китай вынужденно защищается, но не является субъектом «новой холодной войны» в полном смысле этого слова, потому что ключевой характеристикой для определения субъектности в данном контексте является формирование военно-политических блоков – НАТО или Организации Варшавского договора [Ли, 2016].

Согласно данным китайской базы научной литературы (*China National Knowledge Infrastructure – CNKI*), первые статьи, оперирующие термином «новая холодная война», появились в 2006 году, как применительно к отношениям США и России [Юань, 2006], так и к отношениям США и КНР [Чжан, 2016]. Активнее в Китае заговорили о своём втягивании в «новую холодную войну», начиная с 2011 года, когда при президенте США Б. Обаме было декларировано «американское возвращение в Азиатско-Тихоокеанский регион». Антикитайская сущность данной стратегии отрицалась в Вашингтоне, но для китайских экспертов была очевидной.

Уже упоминавшийся китайский исследователь Янь Сюэтуан в интервью газете «Хуаньцзю шибао» отмечал: «Невозможно представить, что американская стратегия в Азии, как заявляют США, не будет направлена против Китая. Разница лишь в том: будет это на уровне действий при подготовке к военному противостоянию с Китаем, его сдерживание или превентивное сотрудничество с КНР» (цит. по [Мамонов, 2012]). Заметим, что на тот момент китайцы вполне допускали вариант, при котором взаимоотношения сторон могли вывернуться на «невзрывоопасный» вариант «превентивного сотрудничества» – до того момента, как переход к конфронтации стал казаться неизбежным, было ещё целое десятилетие (в том, что касается дискуссии о неизбежности китайско-американского конфликта см. [Чжан, 2016; Хуан, 2023]).

В течение этого десятилетия термин «новая холодная война» употреблялся преимущественно применительно к отношениям России и США – и прежде всего в контексте «крымского кризиса» 2014 года. И лишь начиная с июля 2016 года «новая холодная война», вызванная давлением США, стала восприниматься как процесс, подошедший напрямую к границам КНР. В качестве точки отсчёта воспринимается 8 июля 2016 года, когда одновременно открылся Саммит НАТО в Варшаве (по его итогам резко ужесточилась риторика западных стран по отношению к Москве), а в Сеуле было принято решение о размещении в Южной Корее американских противоракетных систем «ТХААД» (*THAAD*) [Ли, 2016]. Тогда же был отмечен всплеск интереса к теме в научной литературе: пик публикаций с ключевыми словами, включающими «новая холодная война» и «вторая холодная война», пришёлся на 2017–2021 годы (максимальное число – пять статей – в 2020 годы)⁴.

Примечательно, что с этого времени «новая холодная война» рассматривается в Китае как процесс, протекающий на двух «фронтах»: восточноевропейском и восточноазиатском, в рамках американской концепции «двойного сдерживания» (России и Китая) [Чжан, Ван, 2022]. Основной движущей силой «новой холодной войны» справедливо называется расширение «глобальной сети НАТО» – причём как применительно к Восточной Европе, так и в контексте создания в АТР такой

⁴ Данные базы *China National Knowledge Index*.

организации, как АУКУС (*AUKUS*) (военно-политический альянс Австралии, Великобритании и США) [11], и размещения вблизи границ Китая американского оружия.

Позиция Китая чётко указана в тексте Совместного заявления РФ и КНР о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии (4 февраля 2022 года): «Стороны выступают против дальнейшего расширения НАТО, призывают Североатлантический альянс отказаться от идеологизированных подходов времён «холодной войны», уважать суверенитет, безопасность и интересы других стран, многообразие их цивилизационных и культурно-исторических укладов, объективно и справедливо относиться к мирному развитию других государств. Стороны выступают против формирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе закрытых блоковых структур и противоборствующих лагерей, сохраняют высокую бдительность относительно негативного влияния на мир и стабильность в этом регионе индо-тихоокеанской стратегии США» [3].

Указанная позиция, по мнению китайцев, не позволяет рассматривать их как сторону, чьи действия способствуют эскалации «новой холодной войны», поскольку блоковое мышление является базовой характеристикой данного процесса. КНР действительно не создаёт военно-политических блоков – единственная международная организация, в которой она участвует и в деятельности которой явно выражена координация усилий в сфере безопасности, – это Шанхайская организация сотрудничества (в уже упомянутом совместном заявлении от 4 февраля 2022 года Китай выступает за «расширение функциональных возможностей Региональной антитеррористической структуры ШОС») [3]. А, например, инициатива «Пояса и Пути» за более чем десять лет своего существования не только не обрела формы военно-политического блока, но и организацией в полном смысле этого слова не выглядит.

Россия и Китай при вынужденном противостоянии с атакующим Западом являются естественными союзниками. Однако вследствие твёрдой официальной позиции и Москвы, и Пекина это не ведёт к созданию военно-политического союза между ними ни в формате двусторонних отношений, ни в формате треугольника «Москва – Пекин – Пхеньян», о котором начиная с 2023 года заговорили эксперты как в России [Кортунов, 2023], так и на Западе, и среди азиатских партнёров НАТО [Bernal, 2023; Lee, 2023], но не в Китае.

Впрочем, всё тот же Янь Сюэтуан с середины 2010-х годов несколько раз заявлял о возможности и даже желательности заключения между Россией и Китаем отношений военно-политического альянса [13]. Это он подтвердил в 2017 году в интервью газете «Коммерсант». При этом и он исходил из того, что политическая воля к его установлению отсутствует: «С моей точки зрения, и Россия, и Китай находятся под давлением со стороны США. К сожалению, альянса между нами нет. Как я понимаю, ни одна из сторон не готова к этому. И поэтому мы не можем

ни оказывать друг другу надлежащую поддержку, ни улучшать дальше наши отношения. Наше сотрудничество имеет границы <...> Я не понимаю, почему Россия не настаивает на формировании альянса с Китаем» [5].

Принцип «отказа от установления союзнических отношений, конфронтации и ненаправленность против третьих сторон» неизменно подтверждался Москвой и Пекином в том числе, в Совместном заявлении о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху (5 июня 2019 года) [4], что позволяет говорить об устойчивости позиций сторон⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Китай в настоящий момент, оценивая ситуацию в международных отношениях, связанную с «осыпанием» постбиполярного миропорядка, исходит из следующих установок:

- США – мировой гегемон, который заинтересован в сохранении своего положения и использует для этого политику силы, стратегию «двойного сдерживания» России и КНР, применяя в качестве инструмента расширение военно-политических блоков;

- Пекин не признаёт нынешний расклад сил на мировой арене как становление биполярного миропорядка и призывает к установлению подлинной многополярности, при которой Китай был бы одним из нескольких центров притяжения, взаимодействующих между собой и с остальным миром в рамках глобального экономического и культурного обмена;

- «Новая холодная война» – процесс, вызванный стремлением США сохранять свою гегемонию, причём в него вовлечён не только Китай, но и Россия;

- Китай отрицает стремление создавать военно-политические блоки, как в двустороннем, так и многостороннем формате.

Следует отметить, что позиция Китая, как это принято подчёркивать в заявлениях МИД КНР, действительно «последовательна и неизменна», даже несмотря на то, что с 2018 года отношения с США резко ухудшились и сейчас достигли состояния системного противостояния. Если до начала китайско-американского декаплинга нежелание Пекина обозначать свои амбиции в качестве кандидата на

⁵ Едва ли не единственным моментом, который можно интерпретировать как наличие вопроса о военном альянсе России и Китая на повестке обсуждения, является ответ Президента РФ В.В. Путина на пленарной сессии Валдайского клуба в 2020 году на вопрос модератора сессии Ф.А. Лукьянова, ссылавшегося всё на тот же тезис Янь Сюэтуна о возможности такого альянса: «Вообразить всё можно. Мы всегда исходили из того, что наши отношения достигли такой степени взаимодействия и доверия, что мы в этом не нуждаемся, но теоретически вполне можно себе такое представить». В то же время официальный представитель МИД КНР Чжао Лицзянь, отвечая на следующий день после слов Путина на соответствующий вопрос журналиста газеты «Хуаньцю шибао», упомянув о «высоком уровне и особом характере отношений [с Россией]», не стал обсуждать возможность заключения военного союза [6].

роль нового мирового лидера и начать сколачивать вокруг себя военно-политические блоки можно было связывать со стремлением сохранить взаимовыгодные отношения с США, то сейчас ситуация, казалось бы, подталкивает китайское руководство к более решительным шагам. Однако этого по-прежнему не происходит: у КНР до сих пор существуют обязательства военного характера лишь перед одной страной (КНДР), существует лишь одна зарубежная военная база (в Джибути), что несравнимо с теми силами и средствами, которыми располагает Вашингтон. Даже сотрудничество с Россией далеко от заключения формального военного союза.

Безусловно, после февраля 2022 года одним из важных факторов, отпугивающих Китай в возможном движении навстречу альянсу с Россией, является продолжающаяся специальная военная операция на Украине и перспектива военного столкновения со странами НАТО. В то же время, по-видимому, корни этой позиции глубже, и связаны они с тем, что Китай продвигает абсолютно новую, даже не стратегию, а философию международных отношений, предполагающую отказ от опоры исключительно на силу и использование в качестве источника своего международного признания некий моральный авторитет (как это было в случае с Китаем большую часть истории в древности и средневековье). Оттого в текущей внешней политике КНР такое внимание уделяется продвижению концептов, описывающих новый формат взаимоотношений всех стран в мире («сообщество единой судьбы человечества», «глобальные инициативы» и т.д.). Публичный отказ от стремления к единоличному лидерству и формированию военно-политических блоков составляет важный элемент этой философии.

Данная точка зрения закреплена в доктринальных документах правящей Коммунистической партии и, очевидно, отвечает личной позиции китайского лидера Си Цзиньпина. Влияние официальной трактовки международной ситуации в Китае таково, что оно оставляет мало пространства для манёвра для экспертов, придерживающихся иных взглядов. Но нельзя сказать, что оно полностью отсутствует – существует как минимум один голос с альтернативной точкой зрения (что биполярность уже состоялась, что Китаю нужно создавать военно-политические блоки, что нынешние тенденции неизбежно ведут к деглобализации). Он принадлежит авторитетному китайскому международнику, автору популярной «теории морального реализма» Янь Сюэтуну. Вероятно, в определённом смысле он выполняет роль «тестировщика» тех внешнеполитических концепций, которые по различным причинам не могут быть пока вложены в уста китайских руководителей или дипломатов. Однако оснований утверждать, что Янь Сюэтун озвучивает неформальную позицию Пекина или представляет взгляды значимой части китайской элиты, нет.

ИСТОЧНИКИ

1. Полный текст выступления товарища Си Цзиньпина в Московском государственном институте международных отношений. *Центральное правительство*

КНР. Available at: https://www.gov.cn/ldhd/2013-03/24/content_2360829.htm (accessed 17.04.2024).

2. Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. *Синьхуа*. Available at: <https://russian.news.cn/20221025/b32a2a0cff064246838b0999eedebaa/c.html> (accessed 17.04.2024).

3. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. *Президент России*. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (accessed 17.04.2024).

4. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Кремль. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (accessed 17.04.2024).

5. Михаил Коростиков. «Не понимаю, почему Россия не настаивает на формировании альянса с Китаем». *Коммерсантъ*, 17.03.2017. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3243633> (accessed 17.04.2024).

6. Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on October 23, 2020. *Ministry of Foreign Affairs, People's Republic of China*. Available at: http://mz.china-embassy.gov.cn/por/fyrth/202010/t20201023_6728948.htm (accessed 17.04.2024).

7. Kissinger Says U.S. and China in 'Foothills of a Cold War'. *Bloomberg*, 21.09.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-11-21/kissinger-says-u-s-and-china-in-foothills-of-a-cold-war> (accessed 17.04.2024).

8. Mearsheimer: There's no question we're in a new cold war. *CGTN*, 11.02.2023. Available at: <https://news.cgtn.com/news/2023-02-11/Mearsheimer-There-s-no-question-we-re-in-a-new-cold-war-1h9ZgHvQUE/index.html> (accessed 17.04.2024).

9. Meeting Challenges with Unity of Purpose to Write a New Chapter for Asia-Pacific Cooperation. *Ministry of Foreign Affairs, People's Republic of China*. Available at: https://www.mfa.gov.cn/eng/top-ics_665678/xjpfmgjxzmshwtsxapex/202311/t20231116_11181557.html (accessed 17.04.2024).

10. Remarks by President Obama and President Xi Jinping of the People's Republic of China After Bilateral Meeting. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/08/remarks-president-obama-and-president-xi-jinping-peoples-republic-china-> (accessed 17.04.2024).

11. 外交部副部长乐玉成：AUKUS为新冷战鼓风，有百害无一利 (Вайцзяобу фубучжан Лэ Юйчэн: AUKUS вэй синь лэнчжань гуфэн, ю байхай у или = Заместитель министра иностранных дел Лэ Юйчэн: AUKUS раздувает пламя новой холодной войны, у него сто недостатков и ни одного достоинства). *Министерство иностранных дел КНР*. Available at: http://new.fmprc.gov.cn/wjbxw_673019/202110/t20211012_9552482.shtml (accessed 17.04.2024).

12. 阎学通：中美战略竞争将走向何方 [Янь Сюэтуни: Чжунмэй чжаньлюэ цзин-чжэн цян цзоусян хэфан = Куда будет двигаться китайско-американское стратегическое соперничество]. Available at: https://mp.weixin.qq.com/s/cwKqMDFajeM6VjCt-GKfg?utm_source=substack&utm_medium=email (accessed 17.04.2024).

13. 阎学通：俄罗斯可以成为中国可靠的盟友吗？ [Янь Сюэтуни: Элосы кэи чэньвэй Чжунго кэкао дэ мэнью ма?] Available at: <http://comment.cfisnet.com/2019/1009/1317554.html> (accessed 17.04.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брэндс Х., Гэддис Д. Новая холодная война. *Россия в глобальной политике*, 2022. № 1. С. 150-165.

Громько А.А. Структуры соперничества и опыт истории. *Современная Европа*, 2016. № 4(70). С. 6-20.

Зуенко И.Ю. Американские санкции в отношении Китая: опыт 1990-2010-х годов. *Россия и Америка в XXI веке*, 2022. № 6. DOI: 10.18254/S207054760023470-4

Зуенко И.Ю. Проблемы восприятия внешней политики КНР как фактор китайско-американского противостояния. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023. № 7. С. 117-126. DOI: 10.31857/S2686673023070106

Караганов С.А. Новая холодная война. *Россия в глобальной политике*, 2008. № 5. С. 44-54.

Кашин В.Б., Тимофеев И.Н. Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? Москва, Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2021. – 39 с.

Кортунов А.В. Призраки новых «осей» бродят по Северо-Восточной Азии. *Российский совет по международным делам*, 27.09.2023. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prizraki-novykh-osey-brodyat-po-severovostochnoy-azii/> (accessed 17.01.2024).

Мамонов М.Е. «Возвращение» США в Азию. *Российский совет по международным делам*, 22.08.2012. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-ssha-v-aziyu/> (accessed 17.01.2024).

Ознобищев С.К. «Новая холодная война»: воспоминания о будущем. *Полит. Политические исследования*, 2016. № 1. С. 60-73.

Рогов С.М. Возможна ли новая «холодная война» между Россией и США? *Россия и Америка в XXI веке*, 2007. № 3. Available at: <http://www.russus.ru/?act=read&id=60> (accessed 17.01.2024).

Ян Ц. Как КНР и России избежать новой холодной войны с США и их союзниками. *Россия в глобальной политике*, 2021. № 3. С. 61-63.

李敦球. “新冷战”爆发的五大特征 [Ли Дуньцю. Синь лэнчжань баофа дэ у да тэчжэн = Пять характеристик разразившейся «новой холодной войны»]. *Синьхуа*, 16.07.2016. Available at: http://www.xinhuanet.com/world/2016-07/16/c_12915102.htm (accessed 17.01.2024)

聂宏毅. 第二次“冷战”正在降临? ——对美国在东欧部署导弹防御系统的战略分 [Не Хунъи. Ди ар цы «лэнчжань» чжэнцзай цзяньлинь? – Дуй Мэйго цзай Дунъюу бушу даодань фанъюй ситуцн дэ чжаньлюэ фэньси = Вторая холодная война наступает? Стратегический анализ планов США по расширению системы противоракетной обороны в Восточной Европе]. *Гоцзи чжаньван*, 2007. № 5. С. 10-13.

夏国涵. 北约史溯：从“冷战”到“新冷战” [Ся Гохань. Бэйюэ шису: цун «лэнчжань» до «синь лэнчжань» = Развитие НАТО: от «холодной войны» к «новой холодной войне»]. *Шицзе вэньхуа*, 2022. № 5. С. 4-10.

黄靖. 中美间的“新冷战”真不可避免吗 [Хуан Цзин. Чжунмэйцзяньдэ «синь лэнчжань» чжэнь букэ бимянь ма? = Можно ли избежать «новой холодной войны Китая и США?]. *Хуанъюю шибао*, 09.08.2023. Available at: <https://opinion.huanqiu.com/article/4ERqV06rpbt> (accessed 17.01.2024).

贾平凡. 多极化世界加速向我们走来 [Цзя Пинфань. Доцзихуа шицзе цзясу сян вомэнь цзоулай = Многополярный мир, ускоряясь, двигается к нам]. *Жэньминь жибао*, 25.12.2021. Available at: <http://world.people.com.cn/n1/2021/1225/c1002-32316701.html> (accessed 17.01.2024).

张文宗;王靖元. 美国对中俄实施“双遏制”战略的变化及启示 [Чжан Вэньцзун. Ван Цзинъюань. Мэйго дуй Чжунъэ шиши «шунань сяньчжи» чжаньлюэ дэ бяньхуа цзи циши = Изменения и предпосылки американской концепции “двойного сдерживания” в отношении КНР и России]. *Хэпин юй фачжань*, 2022. № 4. С. 1–21.

张润. 中美新冷战何以能够避免：一个建构主义的解释 [Чжан Жунь. Чжунмэй синь лэнчжань кэи нэнгоу бимянь: и гэ цзяньгоучжуи дэ цзеши = Новая холодная война США и КНР не неизбежна: анализ с точки зрения конструктивистской теории]. *Хэнань шифань дасюэ дэ сюэбао*, 2006. № 1. С. 37–40.

袁鹏. 美俄关系的变与不变 ——兼议美俄“新冷战”说 [Юань Пэн. Мэйэ гуаньси дэ бянь юй бубянь – цзяньи Мэйэ “синьлэнчжань” шо = Новое и неизменное в отношениях США и России: с отдельным фокусом внимания к «новой холодной войне»]. *Вайцзяо пинлунь*, 2006. № 5. С. 30-35

REFERENCES

Bergsten, F. A Partnership of Equals: How Washington Should Respond to China's Economic Challenge. *Foreign Affairs*, 2008. № 4. P. 57–69.

Bergsten, F. et al. China: The Balance Sheet: What the World Needs to Know Now About the Emerging Superpower. Peterson Institute for International Economics, 2006.

Bergsten, F. Foreign Economic Policy for the Next President. *Foreign Affairs*, 01.03.2004. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/foreign-economic-policy-next-president> (accessed 17.01.2024).

Bergsten, F. Two's Company. *Foreign Affairs*, 01.09.2009. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2009-09-01/twos-company> (accessed 17.01.2024).

Bernal, G. North Korea turns to Russia, China as Asia enters 'Cold War 2.0'. *Nikkei*, 30.07.2023. Available at: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/N-Korea-at-crossroads/North-Korea-turns-to-Russia-China-as-Asia-enters-Cold-War-2.0> (accessed 17.01.2024).

Brands, H., Gaddis, L. Novaia kholodnaja voina [New Cold War]. *Rossia v global'noi politike*, 2022. № 1. P. 150-165. (In Russ.)

Grachikov, E. China in Global Governance: Ideology, Theory, and Instrumentation. *Russia in Global Affairs*, 2020. № 4. P. 132-153. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-4-132-153

Grachikov, E. Chinese School of International Relations. *Russia in Global Affairs*, 2019. № 2. P. 154-173. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-154-173

Gromyko, A.A. Struktury sopernichestva i opyt istorii [Structures of Competition and Experience of History]. *Sovremennaja Evropa*, 2016. № 4(70). P. 6-20. (In Russ.)

Lee Sangsoo. North Korea Is Joining China and Russia in Confronting the US. *Institute for Development and Security Policy*, 2023. Available at: <https://isdps.se/publication/north-korea-is-joining-china-and-russia-in-confronting-the-us/> (accessed 17.01.2024).

Karaganov, S.A. Novaia kholodnaia voina [New Cold War]. *Rossia v global'noi politike*, 2008. № 5. P. 44-54. (In Russ.)

Kashin, V.B., Timofeev, I.N. Amerikano-kitaiskie otnosheniia: k novoi kholodnoi voine? [US-China Relations: Towards a New Cold War?]. Moscow: Valdai Club, 2021. – 39 p. (In Russ.)

Kortunov, A.V. Prizraki novykh «osei» brodiat po Severo-Vostochnoi Azii [Axis ghosts are walking on North-East Asia]. *Russian International Affairs Council*, 27.09.2023. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prizraki-novykh-osey-brodyat-po-severo-vostochnoy-azii/> (accessed: 17.01.2024). (In Russ.)

Lee Sangsoo. North Korea Is Joining China and Russia in Confronting the US. *Institute for Development and Security Policy*, 2023. Available at: <https://isdps.se/publication/north-korea-is-joining-china-and-russia-in-confronting-the-us/> (accessed 17.01.2024).

Mamonov, M.E. «Vozvrashhenie» SShA v Aziju (US Return to Asia). *Russian International Affairs Council*, 22.08.2012. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-ssha-v-aziyu/> (accessed: 17.01.2024) (In Russ.).

Oznobishchev, S.K. "Novaia kholodnaia voina": vospominaniia o budushchem [New Cold War: Remembering the Future]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2016. № 1. P. 60-73. (In Russ.).

Rogov, S.M. Is New Cold War Between Russia and USA Possible? *Russia and America in the XXI century*, 2007. № 3. Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=60> (accessed: 17.01.2024).

Yang, C. Kak KNR i Rossii izbezhat' novoi kholodnoi voiny s SShA i ikh soiuznikami [How China and Russia Can Avoid New Cold War Against USA and allies]. *Rossia v global'noi politike*, 2021. № 3. P. 61-63. (In Russ.)

Zuenko, I.Yu. American sanctions towards China: experience of 1990-2010s. *Russia and America in the XXI century*, 2022. № 6. DOI: 10.18254/S207054760023470-4

Zuenko, I.Yu. Problems of PRC foreign policy reception as a factor of US-China decoupling. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2023. № 7. P. 117-126. DOI: 10.31857/S2686673023070106

贾平凡. 多极化世界加速向我们走来 (Jia Pingfan. Multipolar World is Accelerating Moving Towards Us). *Renmin Ribao*, 25.12.2021. Available at: <http://world.people.com.cn/n1/2021/1225/c1002-32316701.html> (accessed: 17.01.2024). (In Chin.)

黄靖. 中美间的“新冷战”真不可避免吗 (Huang Jing. Is It Possible to Avoid a New Cold War Between China and USA?). *Huanqiu shibao*, 09.08.2023. Available at: <https://opinion.huanqiu.com/article/4ERqV06rpbt> (accessed: 17.01.2024). (In Chin.)

李敦球. “新冷战”爆发的五大特征 (Li Dunqiu. Five Characteristics of New Cold War). *Xinhua*, 16.07.2016. Available at: http://www.xinhuanet.com/world/2016-07/16/c_12915102.htm (accessed: 17.01.2024) (In Chin.)

聂宏毅. 第二次“冷战”正在降临? ——对美国在东欧部署导弹防御系统的战略分析 (Nie Hongyi. Second Cold War is Beginning? Strategic Analysis of US Plans for Expanding the Anti-Missiles Defense System in Eastern Europe). *Guoji zhanwan*, 2007. № 5. P. 10-13. (In Chin.)

夏国涵. 北约史溯: 从“冷战”到“新冷战” (Xia Guohan. Development of NATO: from Cold War towards New Cold War). *Shijie wenhua*, 2022. № 5. P. 4-10. (In Chin.)

袁鹏. 美俄关系的变与不变 —— 兼议美俄“新冷战”说 (Yuan Peng. New and Unchanged in Relations Between USA and Russia: with Special Focus on “New Cold War”). *Waijiao Pinglun*, 2006. № 5. P. 30-35. (In Russ.)

张文宗;王靖元. 美国对中俄实施“双遏制”战略的变化及启示 (Zhang Wenjun, Wang Jingyuan. Changes and Factors of American Strategy of ‘Double Containment’ of China and Russia). *Heping yu fazhan*, 2022. № 4. P. 1-21. (In Chin.)

张润. 中美新冷战何以能够避免: 一个建构主义的解释 (Zhang Run. New Cold War between USA and China is Avoidable: Analysis from the Perspective of Constructivist Theory). *Henan Shifan Daxue de Xuebao*, 2006. № 1. P. 37-40. (In Chin.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗУЕНКО Иван Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).
Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Ivan Yu. ZUENKO, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Center for World Politics Research and Strategic Analysis, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.
32, Nakhimovsky Ave., Moscow 117997, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 05.05.2024 / Received 05.05.2024.

Статья поступила после рецензирования 16.05.2024 / Revised 16.05.2024.

Статья принята к публикации 17.05.2024 / Accepted 17.05.2024.